

Воспоминания

О. К. Аршакунни

«Вечерние сказки»

(О декоративно-прикладном искусстве Ю.П.Спегальского)

* * *

Еще в 1945 г. в Пскове Юрий Павлович построил сундук для всяких чертежей и рисунков и расписал его. Впоследствии роспись эта перестала его удовлетворять, и он задумал ее переписать. Новый сюжет росписи был посвящен древнепсковским зодчим – каменщикам. Однако выполнить эту роспись Юрий Павлович не успел (переписка начата лишь на одном торце сундука). Сохранившиеся наброски надписи к новой росписи очень ярко раскрывают ее содержание:

«Сей ларь состроен во Псковском Спасо-Мирожском монастыре в лето 7451¹ и расписыван тогда же, а переписыван во городе во Ленинграде в лето 7463². А назначен ларь сей под рисунки и чертежи града Пскова, остатков зданий его старинных мирских и церковных и изделий гончарного и кузнечного и иного мастерства.

В годы стародавние во Псковской земле всякие художества устроили простые мужики и творили их по своему разуму, как следует по мастерству, а не по блажи боярской.

Бояре, купцы, попы и иные, подобные им, кои своими руками дела не делают и ра-

зумом своим в суть тех дел вникнуть не могут, судят о них несмысленно. Мастера же стародавние, мужики простые, руками своими создающие, смыслом своим в годы те боярству не преклонялися, разума своего мужицкого держалися и художество творили по мудрости народной, от многих поколений мастеров-мужиков.

А дворы и дома строили, как то следует, чтобы и сухо и тепло и светло было и здорово в них жити. А для спанья место сухо и тепло и покойно и просторно и чисто свободно в верхних жильях, к солнцу ближе, от пыли и сырости подалье. Зимой в горницах в лето и на сенницах. И чтобы было в них всему свое место устроенное – и для всякого человека и для скотины и для запаса и пожитков.

А под запасы амбары и сушила и погребцы и ледники и подклети, а для пожитков – подклети, да клети, да палаты кладильные, чтобы в горницах, да во палатах да светлицах ничего лишнего отнюдь не валялось бы».

* * *

В 1954 году Юрий Павлович соорудил из папье-маше две картонки для моих шляп, красиво расписал их и преподнес их мне в подарок. Одна картонка была большой и наряд-

Публикация и примечания *М.А.Кузьменко*
Продолжение. Начало в № 19/2003 г.

но расписанной, другая – меньше и украшена скромнее. На той и другой были сделаны древнеславянской вязью поучительные надписи.

Роспись на маленькой картонке изображала растительный орнамент; в обрамлении его – женщина в шляпке, любующаяся на себя в зеркало. По верхнему кругу картонки (на ее крышке) – надпись: «Сия коробья шляпная построена в подарок государыне, моей голубушке Оленьке, для шляп ее прехитрых. Носи, Оленька, шляпы, да не забывай, что не шляпки украшают жонку, а добрая улыбка».

Богатой орнаментальной росписью была украшена большая картонка. На ее крышке – изображение мужчины и женщины в древнерусских одеждах. По бокам – картинки, изображающие веселье и привольные прогулки в природе.

Надпись по верху:

«Сия коробья устроена для Оленькиных шляп, а те шляпы ей для утешения. А ни зеленые лужки, ни ручеечки, ни тенистые рощи и зеленые сады с вишеньем да с наливными яблочки, ни глубокие реки да синие озера, ни холмы, да Ракизовы кустики, ни пляски, да хороводы, ни игры вольные, веселые, а токмо шляпки да тряпки – то все в утешение бедным жонкам нашим».

По низу:

«А росписывана коробья ко дню именин государыни моей Ольги Константиновны, в лето от сотворения мира 7460³ (т.е. 1954) а от нашей женитьбы – 10, на самую лета маковку».

Юрий Павлович очень любил природу. Он считал, что город губит людей, преждевременно сводит их в могилу. Как он радовался, когда мог отправить меня за город. Ю.П. писал мне: «Погода стоит чудесная! Помни, Оленька, что ты можешь пользоваться драгоценнейшим даром на свете: природой – лесом, полем, растениями, их тенью, прохладой и запахом воды, незакопченным небом, свежим воздухом, солнцем и тенью, чистым ветром и всякими такими вещами. Все же это самое лучшее из того, что нам с тобой опущено на этом свете! Пожелать можно лишь, чтобы мы с тобой имели это все время, а не иногда».

Кроме природы Юрий Павлович очень любил свой дом и мечтал построить его ког-

да-нибудь по собственному вкусу и своими руками от начала до конца. Мечте его не суждено было осуществиться, но проект нашего дома, сделанный Юрием Павловичем, остался. Проект очень интересный по своему содержанию и декоративной обработке, представляющий собой обобщение векового опыта искусных псковских каменщиков, не компеция старых элементов, а нынешнее инженерное решение. Дом должен был быть загородным и органически вписываться в окружающую его природу.⁴ Мы делились с ним своими впечатлениями о нашем будущем доме, и в наших письмах, когда мы были в разлуке, он занимал чуть ли не основное место. 28-V-66 Юрий Павлович писал мне:

«Сегодня я получил твое письмо со стихотворением без рифм (так я его назвал). В нем удивительно тонко воспеты красоты нашего будущего сада. Очень поэтично и живо вызывает зрительное представление о том, что тебя так тронуло. Весь день хожу под впечатлением этой картины.

И ты и я думаем и мечтаем о нашем саде и доме. Я буквально живу этими мечтами. С ними легче и даже гораздо проще жить. Все эти мелочи не трогают, когда смотришь все время на главное. Я уже как будто смотрю на все окружающее как бы из окна нашего обширного летнего гульбища, сквозь ту листву и ветви, о которых ты так хорошо написала, смотрю со стороны, немного сверху, из отдаления, в перспективу».

В том же году, в другом письме он писал: «... Я здесь вдруг очень ясно почувствовал, что все, что было до сих пор главным в жизни обыкновенного человека – его дом, заботы о нем, стремление его благоустроить, а потом и украсить, стремление обеспечить свой дом всем необходимым, укрепить свое собственное положение и смотреть в будущее – все это тесно связано с семьей и только с ней.

Человеку, не имеющему семьи и не мечтающему о ней, все это не нужно – ему удобнее жить в гостинице, ему ни к чему думать о будущем и стараться завоевывать себе прочное место. Многочисленность семьи, по моему, тут значения не имеет». Так думал Юрий Павлович о своем доме, но ... в связи с сообщением о весьма неблагоприятных делах

реставрации памятников в Пскове настроение его резко изменилось: «...Думаю все время о Пскове.

Без сознания, что я делаю все то, что обязан сделать, к чему призывает честность, я никогда не смогу быть не только вполне счастливым, но даже просто спокойным. Меня мучает сознание, что я поступаю нехорошо, не добиваясь того, что я обязан по долгу совести добиваться.

Если бы с тобой построили где-либо за городом домик, развели сад и стали бы там жить, то даже жизнь на лоне природы не принесла бы мне покоя и облегчения, потому что такой оборот нашей жизни означал бы уже отказ от мечты работать и жить в Пскове.

Это было бы, в сущности, крушением тех надежд, которые, несмотря на всю неблагоприятную обстановку, все же поддерживают меня.

Это было бы пониманием того, что моя жизнь становится бесполезной *для моего Пскова и его памятников*. Я бы не переставал чувствовать укоры совести».

Но время шло, и постоянные надежды его работать в Пскове не осуществлялись, и тогда Юрий Павлович начинал заболеть тоской по своей Родине, по Пскову, по его памятникам, тогда он вдруг начинал жаловаться на свое сердце. Писал: «...Многие думают, что сердце непрерывно работает всю жизнь, не отдыхая. Но это не так: оно отдыхает перед каждым сокращением, то есть при каждом биении. И это дает ему возможность ровно работать всю жизнь. А я отдыхаю только около тебя. Когда ты дома – я отдыхаю, по крайней мере каждый день, а то и два раза в день – утром и вечером. И это поддерживает меня, а не что-либо другое. Это позволяет работать все время в возможную для меня силу. Когда же я не получаю такой поддержки, мне становится труднее, чем дальше, тем труднее. Если бы сердцу давали отдыхать только иногда, а не при каждом биении – оно не могло бы так долго работать. Я – могу, но чувствую, что мне недостает тебя, начинаю все делать «через силу». Раньше я умел отдыхать лежа на траве какой-нибудь *псковской* зеленой горке, слушая журчание Псковы, наблюдая бег облаков. Земля представ-

лялась мне тогда как будто материнскими руками. Но это была *псковская* земля, *псковская* трава, и *псковская* вода! Эта поддержка давала такую силу, что казалось, это не моя собственная сила, а взятая из земли.

Иная, чужая земля и чужие горки не дают ее, не действуют на меня, и теперь ее даешь мне только ты!»

* * *

В 1957 году Юрий Павлович задумал сделать в нашей «повалуше» паникадило (люстру). Позднее он сделал еще три люстры – одна из них осталась незаконченной.

История первой люстры такова. Однажды за городом, в лесу Юрий Павлович нашел большой, увесистый обрубок дерева, притащил его домой. Долго приглядывался к нему, обмерял, и только после того, как сделал какие-то пометки на нем, приступил к делу.

Люстру он рубил топором. Топор да кое-где нож да стамеска, вот и все инструменты на первых порах ее создания! Вскоре начал проступать абрис люстры: ее среднее веретено, яблоко и боковые части – фигурные перья, которые были вырублены отдельно и потом поставлены на шипы.

Когда люстра была готова, Юрий Павлович загрунтовал ее – подготовил к росписи. Сидел он над росписью очень долго не отрываясь и был очень рад, когда ее закончил, так как под конец чувствовал себя страшно утомленным. Я была в командировке, и он торопился повесить люстру к моему возвращению, и потому как не устал, решил взглянуть на люстру в подвешенном виде.

Снял спортивные кольца, которые всегда висели для его утренних гимнастических упражнений, закинул за один крюк веревку и на ней поднял люстру на ту высоту, на которой она должна висеть.

Большой она не казалась, а скорее впечатление было такое, что будь она хоть крошечку меньше, так она была бы слишком малой. Люстра оказалась очень легкая по ее величине. Ну вот, все рисунки и надписи (их три) закончены, проверены и покрыты лаком. Фон оставался абсолютно белым.

Все это хорошо, но надо было сделать еще 12 свечек с подставками и блюдечками

к ним, а потом поставить их на место. Только после этого можно пригласить монтера. Кроме того, нужно до его прихода укрепить рожки, поставив шипы на клей и просверлить дырки для проводов. Успею ли я все это сделать к ее приезду? – беспокоился Юрий Павлович, – ко всему еще лак сохнет очень медленно и липнет, так что надо бы, по-настоящему, дать ему выстояться, прежде чем начинать опять возиться с люстрой.

Надписи и изречения, помещенные на новой люстре, все были сделаны древнеславянской вязью и посвящались благодетельному влиянию на жизнь кротких и ласковых жен и домашних хозяек.

Надпись на яблоке:

«Сие паникадило состроено в лето 7463⁵ (то есть 1957). А будь и зело красен светильник, дает он свет токмо очесам телесным, но не может светом духовным душу озарити и согрети. Светильник же, свет душевной дому дающий, есть добрая государыня, приветливая и ласковая.

Паникадило телесное освещает едину храмину, а душевный светильник освещает дом весь и согревает во нощи и во дни живущих в нем и приходящих, аки солнце красно». Надпись на веретене:

«Жены мужем – свет и тепло и радость душевная».

Эта очень красивая расписная люстра сразу внесла какое-то необыкновенное праздничное и радостное настроение в весь строй нашей обстановки. На белом фоне люстры перекликались и связывались воедино разбеленные сиреневые, коричневые и нежно-малиновые тона росписи, кое-где подчеркнутые красным краплением: на перехватах веретена, на пике яблока, на блюдечках под свечами.

На перьях люстры были изображены: «Милитриса» и «Гвидон», «Евпраксия» и «Князь Владимир», «Китоврасиха» и «Китоврас», «Роксана» и «Александр Македонский», «Анастасия Вахрамеевна» и «Ерусалан», «Королевна Дружневна» и «Бова».

* * *

В том же году нашу «повалушу» стал украшать расписной шкаф. Над его роспи-

сью художник работал долго, так как готовую уже роспись переписал заново, она все время его не удовлетворяла, вернее ее фон. Светлый охристый фон, бывший вначале, он переписал темной зеленью. Светлые вставки росписи на темном фоне стали звучать ярче и жизнерадостнее, но вместе с тем вся роспись сохранила свою тоновую цельность. Но и в последнем варианте что-то в этой росписи Юрия Павловича еще не удовлетворяло, и он все собирался ее переписать в третий раз!

Надписи к изображениям содержали в себе всякие поучения, сделанные, как обычно, с легким, ласковым, чуть насмешливым юмором. Надпись над нижним ящиком шкафа:

«Сия скрыня росписывана в лето 7463⁶ (т.е. 1957). Лепота есть красные порты носить, но коли человек сам красен: а не лепа человека и златые порты не скрасят. А како быти лепу образом и нравом, то зри на сей скрыне в клеймах».

На нижнем ящике шкафа изображены три птицы: голубь, лебедь и соловей. Все они в обрамлении арок, орнаментированных белыми цветами. На обрамлении рамок надписи:

«Женам лепо имети:

«Кротость голубиную». «Повадку лебединую». «Голосок соловьиный». Роспись на дверце шкафа: наверху – богато расписанная арка, в ее пролете раскрывается торжественно убранная палата с празднично накрытым узорной скатертью столом. На задней стене палаты – широкое двухарочное окно, в окне – солнце! За столом хозяева и гости в богатых разноцветных древнепсковских одеждах. На первом плане – гусяры в белых кафтанах. Между ними, на полу, сидит кот. Наверху над изображением надпись:

«Красно человеку быть гостеприимну».

На дверце шкафа внизу изображена еще более нарядно расписанная пышным орнаментом арка. В ее обрамлении белые стены и храмы древнего города Пскова. На фоне города и клубящихся облаков крупным планом – воин, скачущий на коне. И воин и конь в богато расписанном снаряжении. Плащ воина развевается по ветру и горит алым пламенем. Под копытами коня на земле распростерты тела поверженных врагов. Внизу надпись: «Мужу лепо быти храбру».

Боковые стороны шкафа расписаны пышным орнаментом из цветов и птиц. В обрамлении орнамента – клейма... Справа наверху изображены мужчина и женщина, здоровые и красивые, в праздничных ярких одеждах. За ними древнепсковские жилые каменные палаты с деревянными хорами наверху. Надпись:

«Велия краса здоровье и сила, телесом и власом нескудость».

Под изображением сказочной птицы «Сирин» – надпись:

«Веселость».

Под изображением молодого псковича в красном праздничном кафтане и в высокой войлочной шапке на фоне древнего Пскова, подающего нищему старику в белой рубашке, – надпись: «Сердце доброе».

С левой стороны шкафа к соответствующим изображениям в клеймах надписи:

«Любовь к трудам – краса всем».

«К чадам любовь».

«Чистота красоту вознесет на высоту».

* * *

В 1958 году зимой (в связи с одной работой Ю.П. верхолазного характера) мы некоторое время жили в Толмачеве.

Вот там-то вечерами он начал создавать еще и другие деревянные «паникадила». Свое пребывание в Толмачеве Ю.П. описал в письме к другу детства: «Пребыванием в Толмачеве я остался не просто доволен, но счастлив этим без меры. Это время – целый самостоятельный и особенный этап моей жизни, причем такой, какой чем-то перекликается с самыми лучшими этапами моей прошлой жизни. Три месяца в Толмачеве – это не меньше, чем пять лет в Ленинграде, в смысле воспоминаний, разных переживаний, мыслей, чувств и т.д.

Я убедился, что большой город – огромная помеха для меня, он не помогает, а только вредит даже в творчестве чисто умственном (не говоря о рукоделье). Толмачево – поселок, почти деревня, живем мы на краю его. Тишина.

Постоянные мои друзья теперь: полушубок, валенки и топор, который каждый день я натачиваю до остроты бритвы. Полу-

шубок мне купила О.К. в сельмаге, кроме того, купила овчинные рукавицы!

Живем мы с О.К. в совершенно отдельном доме. Дом этот, правда, не в русском деревенском духе – это стандартный щитовой сборный дом, многоквартирный двухкомнатный. Но благодаря тому, что он стандартный, я почти никогда не расстаюсь с полушубком, так как если на улице хотя бы небольшой мороз, то без полушубка в доме замерзнешь, несмотря на раскаленную печку. А в полушубке я – русский мужичок!

Утром поднимаюсь еще в темноте, накидываю полушубок и валенки и бегу во двор за водой, за дровами в сарай, потом завтракаю в кухне у плиты, которая к этому времени раскалена докрасна, затем отправляюсь на свое рабочее место. Оттуда я вижу почти весь поселок, окрестные леса и пруды у поселка. Человеческих голосов почти никогда не доносится, а целый день слышится собачий лай, визг, писк, скулеж, ворчание, вой и все прочие звуки, производимые псами, которых здесь превеликое множество, хотя их по зимам и пожирают волки. В 12 часов О.К. кормит меня обедом, и снова я забираюсь на шатер слушать толмачевскую собачью симфонию.

К пяти часам теперь уже темнеет, работа на улице кончается, начинается ужин, отдых, рисование, чаепитие, разговоры, рукоделье, чтение, иногда поход в кино, в местный дом культуры.

Когда здесь читаешь, то в тишине и спокойствии воспринимаешь прочитанное несравненно лучше и полнее, нежели в Ленинграде. Начитались мы с О.К. здесь книг самых удивительных, а голова у меня стала яснее.

И в области рукоделья новости такие: подготовил я здесь деревянные и полностью обработал их (но не собрал и не расписал) для трех люстр (или точнее – паникадил), из коих одна состоит из шести кукарекающих петухов, а другая из семи летящих птиц, а третья на 12 свет⁷,⁷ сделал две доски для рубки капусты и мяса, из коих на одной изображены конские головы, а другая по ее весу и оглушающему действию при ударе сама по себе равняется конской голове, сделал доску для календаря с бодающимися козла-

ми, попитр для ног в псковском стиле, а сейчас делаю хитрый табурет с резьбой, а еще – сундук.

Теперь очередь оканчивать начатые в Толмачеве люстры, расписать, оснастить и повесить их, затем подготовлена еще одна завеса (у кроватей), которую надо расписать. На ней будут изображены самые любимые наши сны! Потом подушки на диван, сундуки (два сундука). Помимо этого надо делать и серьезные дела.

Мне было очень приятно получить от тебя заказ на люстру! Но мне надо знать, во-первых, какой сюжет хотел бы видеть отраженным в росписи люстры заказчик и в каком стиле – древнерусском, античном, или западно-европейском средневековье, или восточно-персидском или арабском. О.К. сказала мне, что препятствовать делать ее не будет, но если я ее сделаю, то... из дому ее не выпустит.

Но пока что, материала для нее нет – украсть доски негде».

* * *

В Ленинграде была закончена в росписи люстра с кричащими петухами, фон ее был красный, роспись сделана теплыми охристыми тонами и тонко подчеркнута зеленью. Свечи малиновые с подставками более густого красного темного тона. На этой люстре надписей не было. [Хранится в музее-квартире Ю.П.Спегальского. – *М.К.*]

Люстра с 12 свечами была решена в необыкновенно легких нежных тонах: на белом фоне голубая с малиновыми, желтыми, изумрудными пятнами роспись, выполненная очень тонко, изящно. Она казалась поющей торжественные гимны. Она и была посвящена многим веселым, любимым, почитаемым в древней Руси праздникам.

12 месяцев, 12 свечей, 12 перьев люстры! На каждом из перьев – картинка, посвященная тому или другому празднику.

Январь: Авсень⁸, Васильев день, Крещение. Над картинкой надпись: «Крещенское гадание».

Февраль: Власий, Масляная. Над картинкой надпись: «Масляная».

Март: Красная горка, Сорок мучеников, Благовещенье. Над картинкой надпись: «Освобождение птиц», «Благовещение».

Апрель: Семик⁹, Троицын день¹⁰, Святая неделя¹¹. Над картинкой: «Святая неделя».

Май: Юрьев день, Никола, Ночнины¹². Над картинкой: «Ночнины».

Июнь: Гречишники¹³, Иван Купала, Проводы весны. Над картинкой: «Купальские игры».

Июль: Ольгин день, Ильин день. Над картинкой: «Ольгин день».

Август: Спас, Успенье. Над картинкой: «Успенщина».

Сентябрь: Семен день. Осенины¹⁴. Над картинкой: «Семен день».

Октябрь: Покров, Казанская. Над картинкой: «Покров».

Ноябрь: Козьмодемьянщина, Михайлов день, Юрьев день. Над картинкой: «Козьмодемьянщина».

Декабрь: Никольщина, Коляда, Святки. Над картинкой: «Святки».

По яблоку люстры сделана надпись:

«Сие паникадило состроено в лето 7465¹⁵ (т.е. 1959) в малую столовую полату ко дню именин государыни моей Ольги Константиновны, а на нем роспись праздникам великим годовым.

Государыне моей пусть будет не токмо праздничной, но и всяк день *счастливой*».

На веретене:

«А мне, рабу Божьему, как поставит государыня кисель, тот день и праздник».

Люстру с 7 летящими птицами Юрий Павлович расписывал долго. Сначала она была расписана в холодных ультрамариновых тонах, но что-то не удовлетворяло художника, и он переписал всю роспись заново.

Роспись он сделал теплого, очень приятного тона. На охристом фоне разделенные сиреневые, коричневые и зеленые тона. Свечи желтые (лимонного оттенка) с сиреневыми розетками – блюдечками. Рисунок птиц стилизован. Птицы напоминают чаек. Однако это не чайки, а совершенно другие сухопутные птицы. Только криком своим напоминающие чаек. Юрий Павлович познакомил меня с ними в Псковской области, их там очень много на лугах и полях. Он ласково называл их «псковские кувекушки».¹⁶

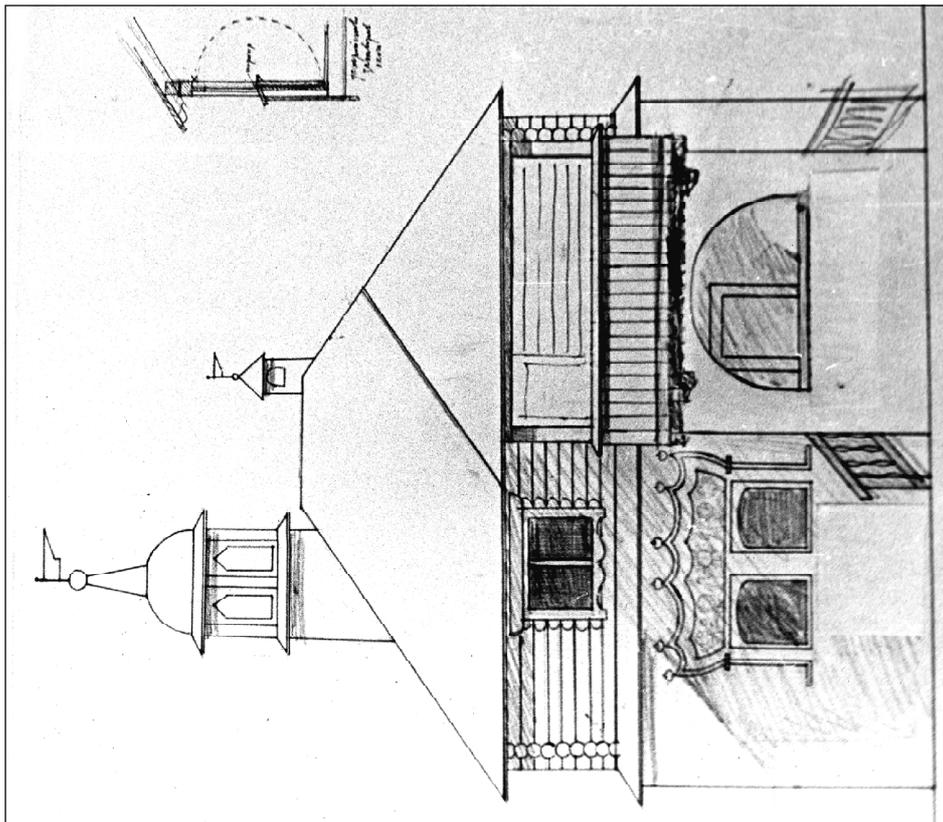
Люстру эту Юрий Павлович не успел собрать и оснастить. Но и с обыкновенными свечами (не электрическими) она не менее, а, может быть, ещё более красива.¹⁷

Окончание следует

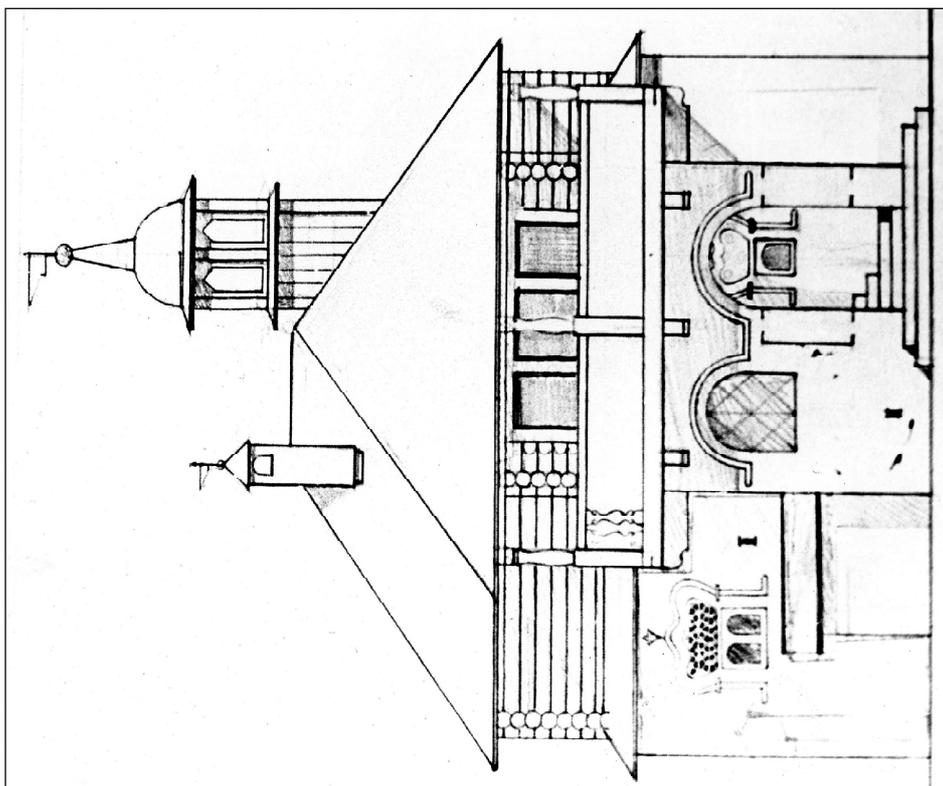
Примечания

- 1, 2, 3, 5, 6, 15. При пересчете летоисчисления с Григорианского календаря, в котором счет лет ведется от Рождества Христова, на Юлианский, ведущий счет лет от сотворения Мира, Ю.П.Спегальский допускает неточность. В этих календарях разница лет составляет 5508, а он исходит из цифры 5506. Так, 1945 г. по Григорианскому календарю соответствует 7453 г. Юлианского календаря, а Ю.П.Спегальский называет 7451 г. Аналогичная ошибка и в других датах.
4. В архиве Музея-квартиры Ю.П.Спегальского хранятся фотокопии эскизного проекта этого дома.
7. Светь (древнерусск.) – свечей, род. падеж множ.числа. См.: И.И.Срезневский. Словарь древнерусского языка. Том третий. Часть I. М., «Книга», 1989. С.302.
8. Авсень - в восточнославянской мифологии - ритуальный персонаж, связанный с Новым годом, с переломным моментом, границей между годом прошедшим и годом наступающим. В песнях к нему обращались с просьбой о даровании благополучия в наступающем году: «Авсень, Авсень, шелковая бородка, золотая головка, подай пирога или курочку с хохолком, петушка с гребешком, подай денежку с орлом и копеечку с копьем». Видимо, эту песенку знал Ю.П. Спегальский. На его люстре изображен хоровод девушек с петушками. Само слово авсень (по Вл.Вл. Далю) встречается в акающих говорах, произошло от слова осень – первая встреча весны, 1 марта, коим начинался раньше Новый год. С петровского времени название это перенесено на Васильев день, (т.е. 1 января по старому стилю). Васильев день посвящен святителю Василию Кесарайскому. В Васильев же вечер, канун Нового года, щедрый вечер, и распевались вышеупомянутые песни, когда дети, да взрослые тоже, приходили в дом, посыпали хозяина житом, овсом, пшеном, желая ему обильной жизни. На севере эти своеобразные колядки назывались авсени. Есть и другие толкования этого слова.
9. Семик. Ю.П.Спегальский ошибочно отнес этот праздник к апрелю. Семик - четверг седьмой недели после Пасхи. Этот праздник был культом растительности, особенно берёзки, которой украшались избы. А в ближайшей роще девушки развешивали ленты на берёзке и вокруг неё водили хороводы, плели венки и пускали в речку, чтобы погадать, когда выйдут замуж.
10. Троицын день Ю.П.Спегальский ошибочно отнёс к апрелю. 50-й день после Пасхи, Троицын день никогда не мог быть в апреле.
11. Неделя, которую Ю.П.Спегальский назвал святой, в народе называлась семиковой. Особенно отмечались три её дня: Семик, Родительская суббота и Троица.
12. Никола. Ночнины. Никола вешний отмечается 9/22 мая в честь перемещения мощей святителя Николая, архиепископа Мирликийского из Мир Ликийских в Бар. День Николая Великого в народном сознании, прежде всего, связывался со скотом вообще и, в частности, посвящался лошадям. Именно в этот день парни первый раз выезжали в ночное и на лугах при свете костров устраивали пир. На люстре Ю.П. Спегальского мы как раз и видим выгон лошадей в ночное и над картинкой надпись: «Ночнины».
13. Гречишники. 13/26 июня - день памяти мученицы Акулины. В этот день во многих местах сеяли гречиху, устраивали праздник каш, варили кашу, в первую очередь для нищих, и этот день в народе назывался Гречишники.
14. Осенины - встреча осени, праздник урожая приурочивался к празднику Рождества Пресвятой Богородицы - 8/21 сентября, отмечался широко и разгульно с приглашением родственников в гости.
16. Трудно сказать, каких птиц Ю.П.Спегальский и О.К.Аршакуни называли кувекушками, но в Псковской области кувекушкой называли чибиса.
17. Люстра «псковские кувекушки» находится в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В.Щусева.

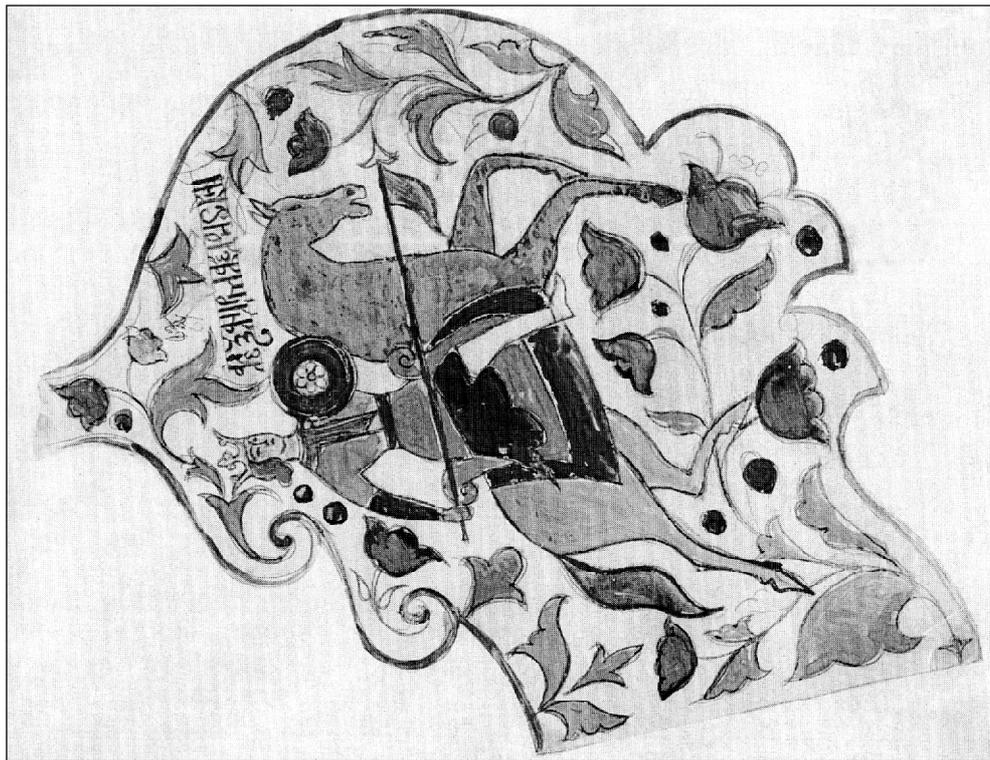
*** Автор публикации благодарит сотрудников Дрeвлехранилища Псковского музея Проценко М.В., Седакову Т.В., Ершову Е.С. и др. за благожелательное отношение к этой работе и помощь литературой.

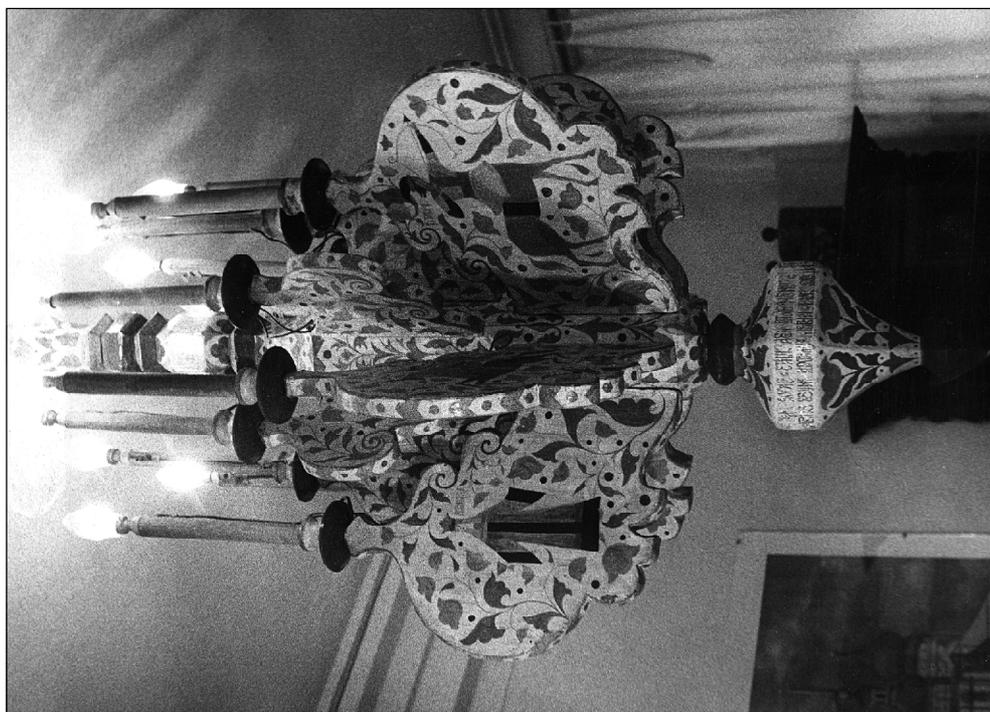
Эскизный проект жилого дома для Псковской области.
Северо-Восточный фасад

Эскизный проект жилого дома для Псковской области.
Юго-Западный фасад

Эскиз фрагмента люстры. 1957 г. «Александр Македонский»

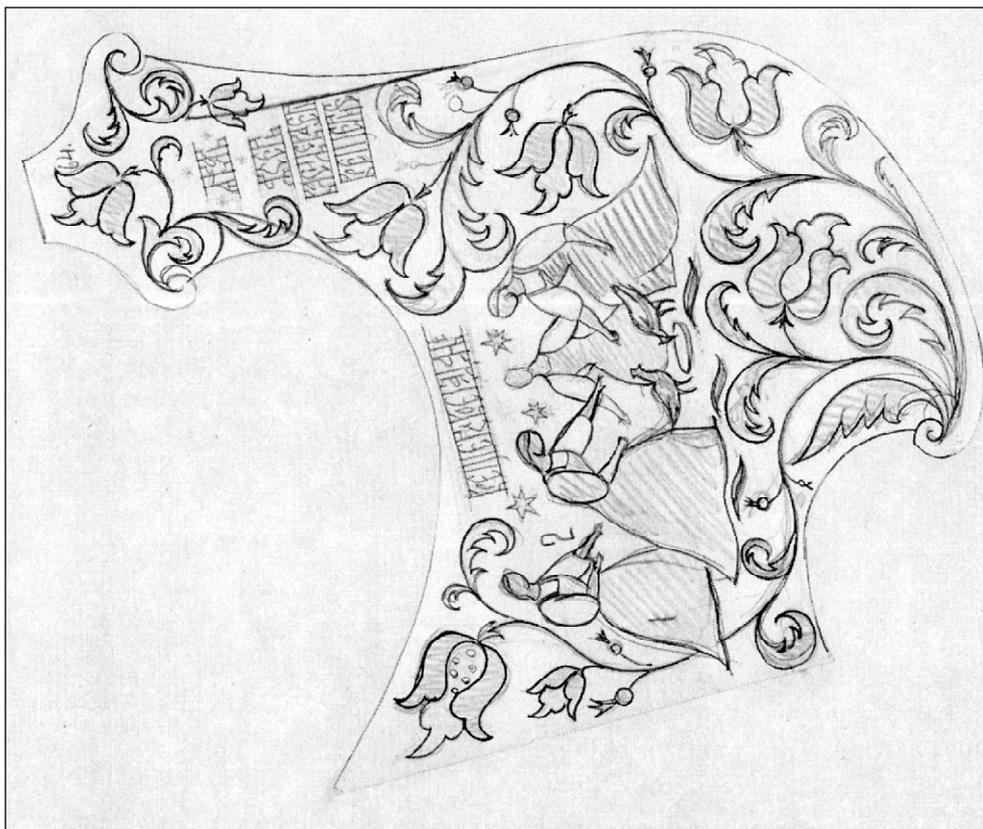
Люстра (паннакило). 1957 г.

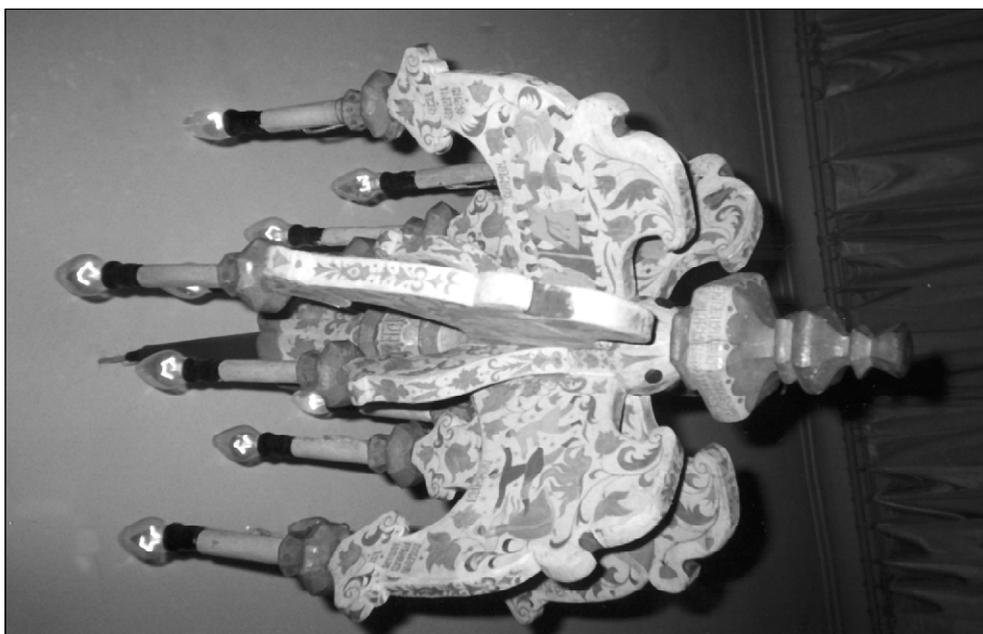
Ю.П. Спегальский за росписью шкафа. Л-д. 1957 г.

Шкаф, фон которого вторично расписан темной зеленью.
Находится в музее Ю.П. Спегальского

Эскиз фрагмента люстры 1959 г. «Январь»

Люстра (паникадило) с 12 свечами. 1959 г.